Архимандритъ Аверкій.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ

И ЗАВѢТЫ СВ. КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА РУССКОМУ НАРОДУ.

Мюнхенъ
1949.

Published by
Photo-Offset Reproduction
Printing Shop St. Iov of Pochaev
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., U. S. A.

1961

Тропа́рь, гла́съ д҃.

Ѹ҆подо́билсѧ є҆сѝ кꙋпцꙋ̀, и҆щꙋ́щемꙋ до́брагѡ би́сера, сла́внодержа́вный влади́мїре, на высотѣ̀ стола̀ сѣда̀ ма́тере градѡ́въ бг҃оспаса́емагѡ кі́єва: и҆спытꙋ́ѧ же и҆ посыла́ѧ къ ца́рскомꙋ градꙋ̀ ᲂу҆вѣ́дѣти правосла́внꙋю вѣ́рꙋ, ѡ҆брѣ́лъ є҆сѝ безцѣ́нный би́серъ хрⷭ҇та̀, и҆збра́вшаго тѧ̀ ꙗ҆́кѡ втора́го па́ѵла, и҆ ѿтрѧ́сшаго слѣпотꙋ̀ во ст҃ѣ́й кꙋпѣ́ли дꙋше́внꙋю, вкꙋ́пѣ и҆ тѣле́снꙋю: тѣ́мже пра́зднꙋемъ твоѐ ᲂу҆спе́нїе лю́дїе твоѝ сꙋ́щїе. молѝ сп҃сти́сѧ правосла́внымъ хрⷭ҇тїа́нѡмъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Подо́бствовавъ вели́комꙋ а҆п҇лꙋ па́ѵлꙋ, въ сѣди́нахъ, всесла́вне влади́мїре, всѧ̑ ꙗ҆́кѡ младе́нческаѧ мꙋдрова́нїѧ, ꙗ҆̀же ѡ҆ і҆дѡлѣ́хъ тща̑нїѧ ѡ҆ста́вль, ꙗ҆́кѡ мꙋ́жъ соверше́нный, ᲂу҆красѝлсѧ є҆сѝ бж҃е́ственнагѡ кр҇ще́нїѧ багрѧни́цею: и҆ ны́нѣ сп҇сꙋ хрⷭ҇тꙋ̀ въ весе́лїи предстоѧ̀, молѝ сп҃сти́сѧ правосла́внымъ хрⷭ҇тїа́нѡмъ.

КРЕЩЕНІЕ РУСИ и ЗАВѢТЫ св. КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА РУССКОМУ НАРОДУ

Велико значеніе дня св. кн. Владиміра для русскихъ людей, какъ дня памяти славнаго Просвѣтителя Руси и какъ дня воспоминанія самаго великаго событія въ исторіи Руси — крещенія всего русскаго народа, — точная дата котораго, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна.

День памяти Просвѣтителя Руси св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра—15 іюля по нашему православному календарю — въ прежнее время, мы отмѣчаемъ это съ глубокимъ прискорбіемъ, весьма слабо праздновался у насъ на русской землѣ, и только въ 1888 году, когда совершалось празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси, этотъ день былъ отнесенъ къ числу такъ наз. „среднихъ" праздниковъ. Нигдѣ, однако, этотъ день не прославлялся такъ, какъ это подобало бы ему, какъ день всенароднаго русскаго торжества. Только, попавъ заграницу, послѣ того какъ нашу родину постигло страшное кровавое бѣдствіе большевизма, русскіе люди въ изгнаніи занялись переоцѣнкой цѣнностей и вскорѣ многіе изъ нихъ поняли, какъ слѣпы они были раньше и, въ частности, какъ мало цѣнили они своихъ подлинныхъ духовныхъ вождей и національныхъ героевъ и гигантовъ духа. Поняли они, что величайшимъ сокровищемъ русскаго народа является св. Православная вѣра, которой русскій народъ обязанъ буквально всѣмъ, что было и есть у него лучшаго, прекраснаго и возвышеннаго; поняли они, что ве-

личайшимъ и славнѣйшимъ событіемъ въ исторіи русскаго народа является Крещеніе Руси, а величайшимъ національнымъ героемъ и духовнымъ вождемъ русскаго народа долженъ быть признанъ главный виновникъ этого событія—св. равноапостольный великій князь Владиміръ. Къ сожалѣнію, дата крещенія Руси намъ достовѣрно неизвѣстна, а потому въ день блаженнаго успенія св. кн. Владиміра 15 іюля мы вспоминаемъ, какъ самого великаго Просвѣтителя нашего, такъ и величайшее событіе просвѣщенія нашего благодатью св. Крещенія.

И вотъ всѣ сознательно-мыслящіе и подлинно религіозно-настроенные русскіе люди зарубежомъ поняли, что этотъ день не можетъ быть для насъ, русскихъ, только „среднимъ праздникомъ, какимъ онъ значится въ Тvпиконѣ. Для всѣхъ насъ, отдающихъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какое подлинно великое, ни съ чѣмъ несравнимое значеніе имѣетъ для русскаго народа св. Православная вѣра, этотъ день, послѣ единственнаго по своему значенію всехристіанскаго торжества св. Пасхи Господней, долженъ быть воистину „праздникомъ праздниковъ и торжествомъ изъ торжествъ", какъ бы „второй Пасхой", послѣ Пасхи общехристіанской. И въ самомъ дѣлѣ. Въ день св. Пасхи мы празднуемъ избавленіе всего человѣчества отъ вѣчной смерти и власти діавола; а въ день св. кн. Владиміра мы вспоминаемъ нашу національную пасху—избавленіе отъ той же вѣчной смерти и власти діавола всего нашего родного русскаго народа. Этотъ день для насъ и какъ бы „вторая Пятидесятница", ибо въ этотъ день, какъ и въ день св. Пятидесятницы, мы можемъ съ особеннымъ чувствомъ и воодушевленіемъ пѣть: „Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, Нераздѣльнѣй Троицѣ поклоняемся, та бо насъ спасла есть!" Да и какой другой день ни возьми изъ прочихъ великихъ праздниковъ, мы не можемъ не видѣть, что спасительной благодати его мы пріобщаемся не иначе, какъ чрезъ самый знаменательный для насъ день 15 іюля. Не будь этого дня, не были бы мы и христіанами и не существовало бы для насъ радости ни одного изъ великихъ христіанскихъ праздниковъ. Поэтому для всѣхъ, кажется, должно быть ясно, что день этотъ долженъ быть для насъ, русскихъ людей, **днемъ великаго праздника, днемъ свѣтлаго всенароднаго религіозно-національнаго торжества.**

Все это теперь у насъ заграницей, повидимому, уже въ достаточной мѣрѣ сознано и поэтому втеченіе ряда лѣтъ день св. кн, Владиміра почти повсюду празднуется весьма велелѣпно и торжественно подъ разными, правда, названіями, какъ-то: „День Русской Культуры", „День Русской Славы" и т.п. Начинается это наше великое національное общерусское торжество, конечно, прежде всего Божественной литургіей съ соотвѣтствующей проповѣдью и молебнымъ пѣніемъ Просвѣтителю Руси св. равноап. вел. кн. Владиміру, по возможности, съ крестнымъ ходомъ и освященіемъ воды на рѣкѣ, гдѣ есть рѣка. Въ послѣобѣденные часы устраивается академическое собраніе съ одной или нѣсколькими серьезными лекціями и докладами о значеніи великаго дѣла св. Владиміра, а вечеромъ—болѣе легкая программа въ видѣ литературно-музыкальныхъ выступленій и приличныхъ развлеченій въ національномъ духѣ для молодежи.

Конечно, главной темой празднованія всегда должно быть воспоминаніе о томъ, какъ, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ русскій народъ изъ народа языческаго сталъ народомъ христіанскимъ, какія обязательства это на него наложило и какъ онъ эти обязательства на протяженіи всей своей исторіи выполнялъ. Естественно поэтому, что въ этотъ день мысль и чувство каждаго религіозно и національно мыслящаго и чувствующаго русскаго человѣка болѣе, чѣмъ когда-либо въ другое время, обращается вглубь вѣковъ, къ далекому прошлому нашей родины и перебираетъ въ своей памяти всѣ столь дорогія его сердцу историческія событія, приведшія въ конечномъ итогѣ къ величайшему и славнѣйшему событію—крещенію всего русскаго народа.

На наше счастіе мы имѣемъ цѣннѣйшій историческій документъ, который сохранилъ для насъ важнѣйшія и интереснѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ этихъ событіяхъ, какъ и о самомъ крещеніи Руси. И сколько бы ни старались опорочить этотъ документъ наша поистинѣ безумная либеральная критика, всегда старавшаяся оплевать и облить грязью все самое дорогое и святое для насъ въ нашей исторіи, онъ никогда не потеряетъ для насъ своего значенія, какъ дышащій безыскусственной, неподдѣльной простотой и правдой, самихъ по себѣ свидѣтельствующихъ объ его несомнѣнной подлинности. Это такъ наз. „Повѣсть временныхъ лѣтъ" лѣтописца Нестора, преподобнаго инока Кіево-Печерской обители, къ которому всѣ мы, русскіе люди, должны питать чувство

признательнѣйщей любви и глубокой благодарности за то, что онъ далъ намъ описаніе столь дорогихъ нашему сердцу событій древнѣйшаго періода нашей исторіи.

Благодаря преподобному Нестору мы узнаемъ, что великое событіе Крещенія Руси, которое принято относить къ 988 году по Р.Х., исподволь и постепенно подготовлялось цѣлымъ рядомъ предшествующихъ знаменательныхъ событій. Первый, кто духомъ Божественнаго прозрѣнія провидѣлъ расцвѣтъ Христовой вѣры на нашей родинѣ и благословилъ его, былъ никто иной, какъ одинъ изъ двѣнадцати ближайшихъ учениковъ Христовыхъ — св. Апостолъ Андрей Первозванный, котораго недаромъ поэтому, еще издавна, русскій народъ почитаетъ своимъ особеннымъ молитвенникомъ и покровителемъ. Какъ гласитъ древнее преданіе, закончивъ свою проповѣдническую миссію по берегамъ Чернаго моря, онъ углубился въ предѣлы нынѣшней русской земли, поднявшись вверхъ по теченію Днѣпра. Здѣсь св. Апостолъ остановился на тѣхъ самыхъ холмахъ, на которыхъ впослѣдствіи построенъ былъ Кіевъ, и тутъ изрекъ сопровождавшимъ его ученикамъ замѣчательное пророчество: „Видите ли горы сіи? Смотрите, ибо на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ воздвигнути имать.“ Сказавъ это, Апостолъ, взойдя на горы, благословилъ ихъ, помолился и на той изъ нихъ, гдѣ позже былъ построенъ Кіевъ, водрузилъ крестъ

Нашъ выдающійся церковный историкъ Е. Е. Голубинскій, отличавшійся безудержнымъ скептицизмомъ, *) доходящимъ до крайняго болѣзненно-пристрастнаго огульно-отрицательного отношенія ко всему древнему періоду нашей отечественной исторіи, не только подвергаетъ сомнѣнію, но даже прямо и категорически отвергаетъ достовѣрность этого пребыванія св. Апостола Андрея въ предѣлахъ будущей

---

*) Вотъ какъ, напр., характеризуетъ эту его просто-таки болѣзненную черту другой выдающійся и авторитетный ученый проф. Н. Н. Глубоковскій: „Почтенный историкъ исходилъ изъ слишкомъ крайняго недовѣрія ко всякимъ историческимъ источникамъ и, впадая иногда въ мелочную придирчивость, пропускалъ безъ необходимой оцѣнки весьма крупное... Человѣческую возможность ошибаться Е. Е. Голубинскій прямо обратилъ въ фактическую потенціальность лгать, обязательно соприсущую всѣмъ историческимъ матеріаламъ. Этотъ безбрежный скептицизмъ грозилъ подрывомъ всякой исторической достовѣрности и колебалъ самое научное бытіе, поскольку во имя абсолютной, и потому эмпирически не существующей несомнѣнности фактической онъ заранѣе уничтожалъ

русской земли. При желаніи можно, конечно, все оспаривать, но еслибы проф. Е. Е. Голубинскій, попавъ вмѣстѣ съ русскими бѣженцами заграницу въ Болгарію, послѣ первой міровой войны, походилъ по окрестностямъ г. Варны на берегу Чернаго моря, то, быть можетъ, не рѣшился бы такъ упорно и категорически отвергать достовѣрность этого лѣтописнаго сказанія. Въ 17 километрахъ отъ Варны, вблизи морского побережья, имѣются катакомбы, сохранившіяся отъ перваго вѣка христіанской вѣры, а неподалеку отъ нихъ —большая пещера, въ которой находится икона св. Апостола Андрея Первозваннаго съ возженной передъ ней лампадой. По преданію, свято хранящемуся у мѣстныхъ жителей, въ этой пещерѣ останавливался св. Апостолъ, когда шелъ проповѣдывать въ Россію.

Первыя свѣдѣнія о частныхъ обращеніяхъ насельниковъ русской земли ко Христу являются уже въ первой четверти IV-го вѣка, но это были только отдѣльные случаи. По несомнѣнному же голосу исторіи первое массовое обращеніе руссовъ ко Христу произошло въ серединѣ IX-го столѣтія (867 г.) при Кіевскихъ князьяхъ Аскольдѣ и Дирѣ, о чемъ повѣствуетъ намъ и цѣлый рядъ греческихъ источниковъ. Тогда впервые были заложены прочныя основы для распространенія христіанства на Руси, причемъ построены были и храмы, хотя главная масса русскихъ славянъ еще продолжала оставаться во тьмѣ язычества.

Въ 866 году двое изъ сподвижниковъ Рюрика Аскольдъ и Диръ, овладѣвшіе Кіевомъ и начавшіе княжить въ немъ, предприняли набѣгъ на Царьградъ. Со своей многочисленной дружиной на 200 ладьяхъ они подступили къ самому Царьграду, заставивъ трепетать сердца его жителей. Тогдашній императоръ Михаилъ III и Патріархъ Фотій со множествомъ народа обратились со слезной мольбой къ Богу о спасеніи столицы отъ дикихъ варваровъ. По совершеніи

всякую относительную реальность и оказывался не въ силахъ замѣнить или обезпечить за недостаточностью фактической безспорности, которой собственно никогда и нигдѣ не бываетъ въ здѣшнемъ мірѣ... Его критическій молотъ былъ не просто внушительно-тяжелый, но и неразборчиво грубый, бившій на своемъ пути направо и налѣво все попадавшееся прямо на-смерть." („Русская Богосл. наука въ ея историч. развитіи." Варшава 1928 г.).

Нарочно приводимъ эти слова авторитетнаго ученаго для острастки и вразумленія чрезмѣрныхъ поклонниковъ историческаго метода проф. Е. Е. Голубинскаго и его труда „Исторія Русской Церкви" какихъ и теперь еще не мало.

всенощнаго бдѣнія во Влахернскомъ храмѣ они вынесли хранившуюся тамъ ризу Богоматери торжественнымъ крестнымъ ходомъ на берегъ Босфора и погрузили ее въ воды залива Спокойное до того море вдругъ разразилось страшной бурей которая разбила и потопила ладьи руссовъ. Многіе изъ нихъ погибли, а оставшіеся въ живыхъ немедленно обратились въ бѣгство, находясь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ поразившаго ихъ гнѣва Божія Это событіе было поводомъ массового обращенія руссовъ ко Христу

„Руссы", писалъ тогда святѣйшій патріархъ Фотій, преложили нечестивое языческое суевѣріе на чистую и неблазненную христіанскую вѣру, и, принявъ епископа и учителя, ведутъ себя, какъ послушные дѣти и друзья" и далѣе говоритъ, что они приняли епископа и христіанскіе обряды (посланіе Фотія — Stritt Memor. pop. 2, 957) Дѣйствительно, въ Кіѣвъ, вскорѣ послѣ этого событія, прибылъ греческій епископъ съ проповѣдью о Христѣ, о чемъ такъ повѣствуетъ императоръ Константинъ: ,когда епископъ прибылъ въ столицу руссовъ, государь руссовъ собралъ совѣтъ (вѣче). Тутъ было множество народа; самъ государь предсѣдательствовалъ съ боярами и старѣйшинами, которые, по давней привычкѣ къ язычеству, болѣе другихъ были привержены къ язычеству. Стали разсуждать о вѣрѣ своей и христіанской, и, пригласивъ архипастыря, спросили: чему онъ хочетъ учить ихъ? Епископъ раскрылъ Евангеліе и сталъ говорить имъ о Спасителѣ и Его чудесахъ, говорилъ и о разныхъ чудесахъ совершенныхъ Богомъ въ вѣтхомъ завѣтѣ Руссы слушая проповѣдника, сказали: „если и мы не увидимъ чего-нибудь подобнаго тому, что случилось съ тремя отроками въ пещи, мы не хотимъ вѣрить. „Служитель Божій не поколебался; онъ смѣло отвѣчалъ имъ: ,мы ничтожны передъ Богомъ, но скажите чего хотите вы?" Они просили, чтобы брошена была въ огонь книга Евангелія, и обѣщались обратиться къ христіанскому Богу, если она останется невредимой. Тогда Епископъ воззвалъ: „Господи! прослави Имя Твое предъ симъ народомъ"—и положилъ книгу въ огонь. Прошло нѣсколько времени: огонь истребилъ матеріалъ, а Евангеліе осталось цѣлымъ; сохранились даже ленты, которыми оно было связано. Видя это, грубые люди, пораженные чудомъ начали креститься" (Константинъ Багрянородный. 'De administr. imp. c. 29).

Это было въ 867 году. Повидимому, тогда крестились и князья. По крайнѣй мѣрѣ на могилѣ одного изъ нихъ,

Аскольда впослѣдствіи была воздвигнута церковь во имя св. Николая, что даетъ основаніе предполагать, что онъ былъ крещенъ съ именемъ Николая.

При князѣ Олегѣ въ числѣ подвѣдомыхъ константинопольскому патріарху епархій уже числилась особая русская епархія“.

Въ княженіе Игоря, какъ это видно изъ текста договора руссовъ съ греками, руссы оффиціально дѣлились на тѣхъ, „которые приняли крещеніе“ и на „некрещенныхъ“, причемъ крещенные утверждали этотъ договоръ присягою въ соборной церкви св. пророка Иліи въ Кіевѣ. То, что въ Кіевѣ тогда уже существовалъ „соборный“ храмъ заставляетъ предполагать о существованіи и другихъ храмовъ. Слѣдовательно, христіанъ было уже значительное число.

Первымъ яркимъ провозвѣстникомъ всеобщаго крещенія русскихъ была *блаженная великая княгиня Ольга*. Въ восторженно-умиленныхъ тонахъ повѣствуетъ о ней лѣтописецъ, преклоняясь передъ ея мудростью. По его образному выраженію, она была для русской земли „*звѣздою утреннею, предваряющею солнце, зарею утра, предвѣщающею свѣтъ дневный*; она *сіяла, какъ полная луна въ ночи, блистая между невѣрными, какъ жемчужина.*“ Одаренная свѣтлымъ, проницательнымъ умомъ и видя непорочную жизнь христіанъ, она плѣнилась евангельской истиной и, по преданію, сама отправилась въ Константинополь въ 957 году, гдѣ и приняла св. крещеніе отъ Патріарха Поліевкта, причемъ самъ императоръ Константинъ Багрянородный былъ ея воспріемникомъ. Патріархъ благословилъ блаженную Ольгу крестомъ, который принесла она въ Кіевъ, и предрекъ ей славу въ потомствѣ. Ольга поднесла Патріарху, въ знакъ любви къ св. вѣрѣ золотое блюдо съ изображеніемъ Спасителя на драгоцѣнномъ камнѣ. Несомнѣнно, что тогда же приняли св. крещеніе и многіе изъ ея свиты. Вернувшись въ Кіевъ, она усердно занялась проповѣдью Христовой вѣры, о чемъ свидѣтельствуетъ и Степенная книга: „Многіе, дивясь о глаголахъ ея (Ольги), ихже николиже прежде слышаша, любезно принимали изъ устъ ея Слово Божіе — и крестились“. За это, какъ и за ея высокую христіанскую настроенность, Церковь причислила блаженную кн. Ольгу къ лику святыхъ и ежегодно празднуетъ ея память 11 іюля.

Такъ исподволь, шагъ за шагомъ, были подготовлены твердыя основы для обращенія ко Христу всего русскаго народа, что произошло, наконецъ, въ 988 году при внукѣ св. Ольги—св. равноапостольномъ великомъ кн. Владимірѣ.

Солнце, которому, по словамъ лѣтописца, предтекла, какъ утренняя заря, Ольга, былъ св. равноапостольный великій князь Владиміръ. Чѣмъ былъ для Римской Имперіи Императоръ Константинъ Великій, тѣмъ суждено было стать для Руси св. князю Владиміру, ибо имъ было совершено великое дѣло обращенія ко Христу всего русскаго народа. Необыкновенно поучительно для насъ самое его житіе. Оно ярко свидѣтельствуетъ о томъ, какую необычайную возрождающую силу имѣетъ христіанское ученіе какъ оно, принятое искренне, всѣмъ сердцемъ и воплощенное въ жизнь, способно вполнѣ переродить человѣческую душу. Владиміръ до крещенія и Владиміръ послѣ крещенія —это какъ бы два совершенно разныхъ человѣка. Мрачный, жестокій, подозрительный, грубый, сластолюбивый варваръ —онъ, послѣ крещенія становится ласковымъ, привѣтливымъ, любвеобильнымъ и милостивымъ княземъ, — истиннымъ отцомъ своихъ подданныхъ. „Владиміръ—Красное Солнышко" —такимъ прозвищемъ характеризуютъ его письменные памятники второго періода его жизни.

Первые годы своего правленія Владиміръ занятъ былъ кровавыми войнами и жилъ, какъ самый нечистый язычникъ. Одержавъ побѣду надъ своими братьями, съ которыми онъ велъ борьбу за власть, онъ сдѣлался единодержавнымъ правителемъ Кіевскаго княжества. Однако, совѣсть не давала ему покоя, и онъ думалъ усыпить ее тѣмъ, что ставилъ на берегахъ Днѣпра и Волхова новые кумиры, украшая ихъ золотомъ и серебромъ и закалая передъ ними обильныя жертвы. Дошло однажды дѣло и до человѣческой жертвы, что повидимому, и явилось поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи Владиміра и заставило его помышлять о перемѣнѣ вѣры.

Послѣ побѣды надъ ятвягами рѣшено было возблагодарить боговъ человѣческой жертвой. Жребій палъ на прекраснаго юношу — христіанина именемъ Іоанна. Отецъ его Θеодоръ не хотѣлъ отдавать сына въ жертву идоламъ. Разсвирѣпѣвшая толпа ворвалась въ ихъ жилище и съ оружіемъ въ рукахъ стала требовать отъ отца выдачи сына. Отецъ, стоя съ сыномъ въ сѣняхъ дома, на возвышеніи,

спокойно отвѣчалъ: „Если боги ваши суть точно боги, то пусть они пошлютъ одного изъ среды себя, чтобы взять сына моего, — а вы чего требуете?...“ Раздраженные язычники подсѣкли сѣни дома, и подъ развалинами его погибли и отецъ и сынъ. Память этихъ пѣрвыхъ на Руси мучениковъ за Христа Өеодора и Іоанна празднуется ежегодно 12 іюля.

Этотъ случай возбудилъ у Владиміра большую душевную тревогу и сомнѣнія въ истинности языческой вѣры. Душа его томилась, искала свѣта и мира,—а память говорила еще о великой Ольгѣ, „мудрѣйшей всѣхъ человѣкъ“, о ея Богѣ, о Богѣ греческихъ христіанъ.

По свидѣтельству лѣтописца, къ князю стали являться, прослышавъ о его душевныхъ сомнѣніяхъ, представители сосѣднихъ съ Русью народовъ съ предложеніями принять ихъ вѣру. Такъ, прежде всего пришли волжскіе болгары, исповѣдывавшіе магометанство, и начали расхваливать свою вѣру. Владиміру не понравилось, однако, въ магометанствѣ обрѣзаніе и запрещеніе пить вино. Пришли латинскіе миссіонеры отъ римскаго папы и стали говорить о величіи невидимаго Бога и ничтожествѣ идоловъ, но славный князь, наслышавшись уже о властолюбивой политикѣ папъ, не далъ имъ много говорить, а сразу же отослалъ ихъ отъ себя со словами: „Идите откуда пришли: отцы наши не принимали вѣры отъ папы“. Затѣмъ явились хозарскіе жиды, которые сказали, что они вѣруютъ во единаго истиннаго Бога. Владиміръ, слушая ихъ, внезапно спросилъ: „А гдѣ ваше отечество?—„Въ Іерусалимѣ“, отвѣчали они, „но Богъ, за грѣхи отцовъ нашихъ, лишилъ насъ отечества и разсѣялъ по всей землѣ.“ — Какъ же вы учите другихъ“, возразилъ Владиміръ, „будучи сами отвержены Богомъ; еслибы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, вы не были бы расточены по чужимъ землямъ; ужели того же вы и намъ хотите?“—Такими остроумными отвѣтами Владиміръ ярко обнаружилъ свою врожденную мудрость и свѣтлый, проницательный умъ, — качества, оправдывавшія его избраніе Божественнымъ Провидѣніемъ, какъ совершителя великаго дѣла обрашенія ко Христу всего русскаго народа.

Наконецъ, послѣ всѣхъ явился къ Владиміру ученый греческій монахъ, философъ, какъ ихъ называли. Въ прост-

ранной рѣчи онъ показалъ князю несправедливость всѣхъ другихъ вѣръ и изложилъ ему по Библіи всю исторію Божественнаго промышленія о людяхъ, начиная отъ сотворенія міра и кончая Страшнымъ Судомъ, причемъ въ заключеніе показалъ князю картину Страшнаго Суда. Владиміръ, смотря на картину, глубоко вздохнулъ и сказалъ: „Добро симъ одесную и горе симъ ошуюю." — „Если и ты желаешь стать съ праведниками, то крестись", замѣтилъ ему проповѣдникъ. „Пожду еще мало", отвѣчалъ на это мудрый князь.

Такъ какъ Владиміръ помышлялъ о перемѣнѣ вѣры не для одного себя, но для всего своего народа, то ему, конечно, важно было, чтобы въ выборѣ новой вѣры принимали участіе лучшіе представители народа. Поэтому, отпустивъ греческаго проповѣдника съ богатыми дарами, онъ въ 987 году собралъ совѣтъ бояръ и объявилъ имъ о предложеніяхъ бывшихъ у него проповѣдниковъ.—„Каждый хвалитъ свою вѣру", сказали бояре, „у тебя много людей умныхъ: пошли испытать, чья вѣра лучше". Тогда Владиміръ, послѣдовавъ этому совѣту бояръ, отправилъ „десять мужей добрыхъ и смышленныхъ", дабы они на мѣстахъ ознакомились съ разными вѣрами. Послы эти побывали у волжскихъ болгаръ, затѣмъ у нѣмцевъ, исповѣдывавшихъ латинскую вѣру, и, наконецъ прибыли въ Царьградъ, гдѣ попали въ великолѣпный соборъ св. Софіи, въ которомъ самъ патріархъ совершалъ торжественную службу. Великолѣпіе храма, участіе всего духовенства съ патріархомъ во главѣ, стройное, глубоко-молитвенное пѣніе, какъ бы отрѣшавшее молящихся отъ земли, величіе и простота всей службы привели пословъ въ священный восторгъ и растрогали до глубины души.

Возвратившись домой, они дали отрицательные отзывы о богослуженіи магометанъ и нѣмцевъ и съ восторженнымъ умиленіемъ разсказывали о богослуженіи грековъ. — „Когда пришли мы къ грекамъ", говорили они, „насъ ввели туда, гдѣ они служатъ Богу своему, и мы не знали, на небѣ ли мы находимся или на землѣ: забыть этой красоты мы не можемъ, ибо всякій человѣкъ, вкусивъ сладкаго, отвращается отъ горькаго, такъ и мы „не имамы здѣ быти", не хотимъ оставаться въ прежней языческой вѣрѣ". — Тогда и бояре со старцами замѣтили князю:—„Если бы не хорошъ былъ законъ грече-

скій то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая всѣхъ человѣкъ".—Такъ мы примемъ крещеніе, но гдѣ?" спросилъ Владиміръ.—„Гдѣ ти любо"... Отвѣтили бояре, предоставляя этимъ отвѣтомъ самому князю осуществленіе уже принятаго всѣмъ народомъ въ лицѣ его лучшихъ представителей рѣшенія о принятіи св. Христовой вѣры отъ грековъ.

Воинственный князь, хотя и рѣшившійся уже принять христіанскую вѣру, безъ особого воздѣйствія благодати Божіей, конечно, не могъ еще настолько смириться въ душѣ, чтобы обратиться къ грекамъ со смиренной просьбой о крещеніи и о наставленіи всего своего народа въ новой вѣрѣ. Къ тому же врожденная мудрость его и проницательный государственный умъ подсказывали ему, что небезопасно просто просить объ этомъ грековъ. Примѣры тогдашней исторической дѣйствительности показывали, что народъ, принявшій отъ другого народа христіанскую вѣру, весьма часто попадалъ не только въ духовную отъ него зависимость, но и политическую и даже терялъ совсѣмъ свою государственную самостоятельность. Этого, конечно, не хотѣлъ Владиміръ для своего народа. И вотъ боясь вслѣдъ за духовнымъ и политическаго подчиненія русскаго народа грекамъ, онъ рѣшилъ завоевать новую вѣру силою оружія. Этимъ и объясняется все то, что послѣдовало за рѣшеніемъ Владиміра и бояръ о принятіи св. крещенія и что, на первый взглядъ, кажется многимъ страннымъ и непонятнымъ и даже противнымъ подлинно-христіанскому настроенію духа.

Владиміръ рѣшилъ дать понять грекамъ, что, принявъ отъ нихъ св. вѣру, онъ не намѣренъ тѣмъ не менѣе подчинить имъ свое государство и хочетъ разговаривать съ ними, какъ равный съ равными. И вотъ онъ пошелъ на нихъ войной, осадивъ греческій городъ Херсонесъ (по-славянски Корсунь) въ Тавридѣ, причемъ далъ обѣтъ креститься, если городъ будетъ имъ взятъ. Овладѣвъ городомъ, чтобы еще болѣе смирить грековъ, онъ потребовалъ отъ императоровъ-соправителей Василія и Константина руку ихъ сестры царевны Анны. Императоры отвѣтили, что они согласны выдать за него свою сестру, но при условіи, что онъ приметъ крещеніе, такъ какъ ихъ сестра не можетъ выйти замужъ за язычника.—„Я давно испыталъ и полюбилъ законъ греческій", отвѣтилъ на это Владиімръ

Передъ самымъ прибытіемъ царевны Анны со священниками, которые должны были его крестить, а затѣмъ бракосочетать, съ Владиміромъ произошло чудесное событіе, въ которомъ сокрытъ глубокій духовный смыслъ. По особому допущенію Божію, онъ былъ пораженъ тяжкой глазной болѣзнью и совершенно ослѣпъ. Слѣпота — недугъ, при которомъ человѣкъ особенно остро ощущаетъ свою безпомощность, свое ничтожество и естественно смиряется. Поэтому Господь, желая сдѣлать гордаго князя подлиннымъ рабомъ Своимъ, и послалъ ему временно это тяжкое испытаніе, дабы передъ самымъ приятіемъ великаго христіанскаго таинства крещенія научить его важнѣйшей христіанской добродѣтели смиренія, точно такъ же, какъ Онъ сдѣлалъ это въ свое время съ гордымъ гонителемъ христіанства Савломъ, преднамѣтивъ его своимъ избраннымъ сосудомъ къ обращенію язычниковъ. Какъ нѣкогда Савлъ, такъ и Владиміръ въ этомъ состояніи позналъ свою духовную немощь, свое безсиліе и ничтожество и съ чувствомъ уже глубокаго смиренія приготовлялся къ принятію великаго таинства. И надъ нимъ совершилось великое чудо, которое явилось символомъ его духовнаго прозрѣнія и перерожденія. Едва только корсунскій епископъ, совершавшій крещеніе, возложилъ руку на выходящаго изъ купели Владиміра, нареченнаго Василіемъ, какъ онъ мгновенно прозрѣлъ и радостно воскликнулъ: „Вотъ теперь-то впервые я узрѣлъ Бога истиннаго!“ Многіе изъ дружины его, пораженные чудомъ, тутъ же крестились, а затѣмъ совершено было бракосочетаніе князя съ царевной Анной.

Но Владиміръ искалъ лучшей вѣры не для одного себя, а для всего своего народа. Испытавъ на самомъ себѣ въ моментъ крещенія всю силу и величіе вѣры христіанской, онъ несомнѣнно съ еще большей ревностью возгорѣлся желаніемъ скорѣе просвѣтить свѣтомъ Христовой вѣры весь свой народъ. И вотъ, возвратившись въ Кіевъ, онъ прежде всего окрестилъ 12 своихъ сыновей, а затѣмъ рѣшительно приступилъ къ истребленію идоловъ и оглашенію народа христіанской проповѣдью. Пріѣхавшіе съ Владиміромъ священники обходили улицы Кіева и наставляли народъ въ истинахъ новой вѣры, знакомой уже многимъ кіевлянамъ.

Послѣ этого Владиміръ назначилъ опредѣленный день, въ который всѣ жители Кіева должны были собраться на рѣку для принятія крещенія. Кіевляне съ радостью спѣши-

ли исполнить волю своего любимаго князя, разсуждая при этомъ такъ: „Если бы новая вѣра не была лучшей, то князь и бояре не приняли бы ее". Необозримыя толпы людей, старцы и юноши, матери съ дѣтьми явились на берегъ рѣки. Вскорѣ явился и самъ князь, сопутствуемый соборомъ священниковъ. По данному знаку всѣ эти массы народа вошли въ рѣку: одни по шею, другіе по перси, взрослые держали на рукахъ младенцевъ, а священники, стоя на берегу, читали молитвы, совершая надъ ними великое таинство.

Въ эти священныя минуты, какъ говоритъ благочестивый лѣтописецъ, поистинѣ радовались небо и земля толикому множеству спасаемыхъ. Радовались крестившіеся, радовались крестившіе, но болѣе всѣхъ возрадовался духомъ главный виновникъ этого торжества—св. князь Владиміръ. Возведши очи къ небу, онъ со умиленіемъ воззвалъ къ Богу:

„Боже великій, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебе, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьянскія, и утверди въ нихъ вѣру праву и несовратну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на Тя и на Твою державу, побѣжю козни его!

Въ словахъ этой замѣчательной, весьма краткой по объему, но необычайно пространной, можно сказать, всеобъемлющей по своему внутреннему содержанію, вдохновенной молитвы, излилась вся душа уже возрожденнаго баней пакибытія князя христіанина, глубоко переживавшаго всѣмъ существомъ своимъ дивное зрѣлище обновляемаго благодатію св. крещенія всего своего народа. Молитва эта дѣйствительно замѣчательна, если мы дадимъ себѣ трудъ глубоко вдуматься въ ея слова и прочувствовать то, что переживалъ произносившій ее въ тотъ великій моментъ св. равноапостольный князь. При всей своей видимой простотѣ и полной безыскуственности она отличается необычайной глубиной содержащихся въ ней мыслей и указываетъ на то, какъ глубоко усвоилъ св. князь, недавній язычникъ, подлинныя основы христіанскаго ученія. Въ ней, какъ мы увидимъ сейчасъ, заключается полностью вся программа истинно христіанской жизни.

А такъ какъ словами этой молитвы св. князь молился о своемъ родномъ русскомъ народѣ и о себѣ, какъ о духовномъ вождѣ этого народа (таковымъ онъ несомнѣнно мыслилъ себя, занимаясь потомъ всю остальную жизнь свою подлинно-апостольскою дѣятельностью), то изъ этой молитвы мы можемъ видѣть, чего именно желалъ св. равноапостольный князь новокрещенному русскому народу, какой путь жизни по принятіи св крещенія для него предначертывалъ, и, слѣдовательно, молитва эта явно заключаетъ въ себѣ завѣты св. князя Владиміра русскому народу.

Какіе же это завѣты? О чемъ молился нашъ Просвѣтитель и чего онъ желалъ намъ?

„Боже великій, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебе, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьянскія...“ Вотъ онъ первый завѣтъ, первостепенной важности завѣтъ для каждаго, рѣшающагося начать христіанскую жизнь, для каждаго, желающаго жить христіанской жизнью, быть подлиннымъ христіаниномъ — завѣтъ Боговѣдѣнія, завѣтъ Богопознанія.

Богопознаніе, по ученію Слова Божія и святыхъ отцевъ, есть первая и основная задача жизни истиннаго христіанина. Чтобы быть христіаниномъ, необходимо прежде всего вѣровать въ Бога, надѣяться на Бога и любить Бога. Но нельзя вѣровать въ того, надѣяться на того и любить того, кого не знаешь. Отсюда сама собой вытекаетъ для каждаго христіанина насущнѣйшая необходимость Богопознанія. Слѣдовательно, все, что говоритъ намъ о Богѣ или открываетъ намъ Бога, должно быть для насъ предметомъ самаго тщательнаго и прилежнаго изученія. О Богѣ краснорѣчиво говоритъ окружающая насъ дивная природа, всѣмъ своимъ гармоничнымъ и цѣлесообразнымъ, премудрымъ устройствомъ, о Богѣ выразительно свидѣтельствуютъ намъ глубины нашего собственнаго человѣческаго духа, если мы добросовѣстно стремимся къ подлинному самопознанію, но полнѣе всего и яснѣе всего, конечно, открываетъ намъ Бога само Его Божественное Слово — Священное Писаніе, ибо въ немъ „отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы“ (II Петр. 1: 21), а также и Священное Преданіе, хранимое Церковью въ постановленіяхъ соборныхъ,

богослужебныхъ книгахъ и твореніяхъ общепризнанныхъ святыхъ отцевъ и описаніяхъ жизни прославленныхъ Церковью святыхъ угодниковъ Божіихъ. Все это и должно быть предметомъ нашего самаго внимательнаго и старательнаго изученія втеченіе всей нашей жизни.

Но какъ понимать это „Богопознаніе"? Развѣ можемъ мы, зѣмныя ограниченныя твари, въ полномъ смыслѣ этого слова „познать Бога" и проникнуть во всѣ тайны Божескаго Существа, изучить и постигнуть самое Существо Божіе со всѣми Его свойствами? И не дерзость ли это будетъ съ нашей стороны?

Конечно, съ христіанской точки зрѣнія, отнюдь не о такомъ Богопознаніи идетъ у насъ рѣчь. Мы должны стремиться къ Богопознанію лишь въ той мѣрѣ, въ какой Самъ Богъ благоволилъ людямъ открыть Себя и въ какой это необходимо для нашего спасенія, ибо только такое Богопознаніе входитъ въ планы Самого Бога, „желающаго всѣмъ человѣкомъ спастися и въ познаніе истины пріити". Все, что сверхъ этого, конечно, есть дерзость, недопустимая для истиннаго христіанина, порожденіе гордаго пытливаго ума, приведшаго нашихъ прародителей къ грѣхопаденію и потерѣ райскаго блаженства. Мы должны стремиться познать Бога настолько и посколько это необходимо для нашего спасенія, нашего духовнаго возрожденія и вступленія въ общеніе съ Богомъ. Всякое другое стремленіе къ Богопознанію, гностическое или раціоналистическое стремленіе проникнуть въ тайны Самаго Божескаго Существа, своимъ слабымъ ограниченымъ умомъ дерзать проанализировать всѣ Божескія свойства, какъ сами по себѣ, такъ и въ отношеніи Бога къ міру и человѣку, съ христіанской точки зрѣнія, конечно, предосудительно и не только не спасительно, но наоборотъ губительно для души, ибо какъ можемъ мы, „прахъ и пепелъ" (Быт. 18, 27), осмѣливаться открывать въ Богѣ то, чего Онъ Самъ не благоволилъ намъ открыть. Вотъ почему Церковь наша осудила и теперь осуждаетъ всѣ, какъ древнія такъ и новыя гностическія системы и самопроизвольное мудрствованіе объ истинахъ вѣры, не основанное на Словѣ Божіемъ и авторитетѣ Святыхъ Отцевъ.

Какъ исполнялъ русскій народъ этотъ первый завѣтъ своего великаго Просвѣтителя?

Въ древній періодъ своей исторіи, а частично и до самого послѣдняго времени, не считая нашей интеллигенціи, которая со временъ Императора Петра I, въ большинствѣ своемъ, воспитывалась въ чуждомъ Православію западномъ духѣ, русскій народъ старался исполнять этотъ святой завѣтъ самымъ тщательнымъ образомъ. Любимымъ чтеніемъ русскихъ людей, пока не внѣдрилась на русской землѣ отрава западнаго вольнодумства и безбожія, были книги Священнаго Писанія, а изъ нихъ, въ особенности Псалтирь и Евангеліе, которыя многія знали наизусть, святоотеческія творенія и житія святыхъ, а въ храмахъ за продолжительными, уставными службами, они назидались глубоко поучительными богослужебными пѣснопѣніями, впрочемъ не только въ храмахъ, а зачастую и у себя въ домахъ, представлявшихъ собою нерѣдко подлинныя „малыя церкви", гдѣ глава семьи былъ какъ бы настоятелемъ, игуменомъ, а члены семьи — братіей. Даже грамотѣ малыя дѣти обучались по богослужебнымъ книгамъ — Часослову и Псалтири. Такъ продолжалось во многихъ благочестивыхъ крестьянскихъ и казачьихъ семьяхъ почти до самаго послѣдняго времени передъ революціей. Только интеллигенція наша, а еще больше полуинтеллигенція, расплодившаяся у насъ со времени петровскихъ реформъ, послѣ того, какъ черезъ прорубленное Петромъ I „окно въ Европу" ворвался къ намъ зловонный смрадъ безбожныхъ матеріалистическихъ ученій Запада, стала за послѣдніе два вѣка все больше и больше отступать отъ этого великаго завѣта своего Просвѣтителя, и вотъ — плоды теперь налицо: страшная кровавая большевицкая революція со всѣми ея ужасами и нынѣ — угроза всему міру отъ страшнаго апокалиптическаго чудовища, грозящаго все поглотить и уничтожить, вслѣдствіи того, что русскій народъ пересталъ быть хранителемъ подлинно-христіанскаго православнаго благочестія, и сталъ навозомъ для удобренія Бого- и человѣконенавистнической теоріи марксо-коммунизма и орудіемъ для ея осуществленія во всемъ мірѣ. Отреченіе русскаго народа отъ перваго завѣта своего великаго Просвѣтителя — завѣта Богопознанія — какъ мы это теперь наглядно видимъ, привело къ тому, что нынѣ весь міръ находится какъ бы на краю пропасти, зіяющей поглотить его. И, конечно, безъ покаянія всего русскаго народа въ цѣломъ въ грѣхѣ богоотступничества и безъ обращенія его къ Богу, не можетъ быть спасенія человѣчеству, и тогда неизбѣженъ конецъ вѣка сего, какъ это совершенно очевидно явствуетъ изъ раскрытыхъ намъ Самимъ Господомъ

признаковъ близости конца міра и Его второго пришествія (Матѳ. 24: 3-39; Марка 13: 4-37; Луки 21: 7-36).

Посмотримъ теперь, каковъ **второй** завѣтъ, оставленный намъ св. кн. Владиміромъ?

„...и утверди въ нихъ вѣру праву и несовратну...“ Что это, какъ не завѣтъ хранить твердо и нерушимо свою Православную вѣру, которую св. Владиміръ съ такой предусмотрительностью и тщательностью выбралъ изъ цѣлаго ряда другихъ вѣръ? И какъ дѣйствительно долго и самоотверженно осуществлялъ русскій народъ въ своей жизни этотъ священный завѣтъ! Вѣдь въ сущности вся исторія русскаго народа это въ главномъ и основномъ, конечно, непрерывная борьба „за вѣру Православную, за домъ Пресвятыя Богородицы“. Дороже всего для русскаго человѣка всегда была чистота его исповѣданія, чистота его св. Православной вѣры, за которую онъ жизнь свою былъ готовъ отдать. „Православіе“ и „русскость“ это понятія, сдѣлавшіяся какъ бы неотдѣлимыми одно отъ другого, какъ бы синонимы.

Сколько ни было со стороны римскихъ папъ попытокъ подчинить себѣ русскій народъ, попытокъ, неизмѣнно и настойчиво повторявшихся чуть ли не при каждомъ великомъ князѣ и государѣ съ самыми льстивыми обѣщаніями и предложеніями, они всегда рѣшительно отметались. „Мы знаемъ истинное ученіе Церкви“, такъ, напримѣръ, отвѣчалъ въ 1251 г. папѣ Иннокентію IV св. благовѣрный, князь Александръ Невскій, „а вашего не пріемлемъ“ — въ отвѣтъ на приглашеніе его вступить подъ сѣнь римскаго престола, взамѣнъ чего обѣщалась ему помощь противъ татаръ — крестовый походъ для освобожденія русскаго народа отъ татарскаго ига, — предложеніе, казалось бы, столь соблазнительное, послѣ пережитыхъ отъ татарскаго нашествія бѣдствій и тяжкаго гнета татарской неволи.

Достойно примѣчанія, что на русской землѣ долгое время не появлялось никакихъ ересей и сектъ вплоть до второй половины XIV вѣка, когда возникла весьма кратковременная ересь стригольниковъ, и второй половины XV вѣка, когда явилась уже болѣе опасная ересь жидовствующихъ, занесенная къ намъ изъ-за границы евреемъ Схаріей. И всѣ позднѣйшія еретическія ученія и секты заносились къ намъ не-

измѣнно съ Запада. На русской почвѣ, въ собственномъ смыслѣ, никогда не зарождалось никакихъ лжеученій вплоть до возникновенія такъ называемаго „раскола" въ XVII вѣкѣ, но это уже совсѣмъ особое явленіе. Этотъ „расколъ" возникъ именно на почвѣ исключительной любви и преданности къ Православной вѣрѣ, которой, какъ казалось послѣдователямъ раскола, угрожала опасность извращенія. Раскольники, какъ это ни звучитъ парадоксально, откололись отъ св. Православной Церкви во имя чистоты Православія, ревнуя о чистотѣ и неповрежденности св. Православной вѣры, хотя они были неправы въ своей чрезмѣрной привязанности къ буквѣ, къ испорченнымъ текстамъ и обрядамъ, заключавшимъ въ себѣ нерѣдко вполнѣ еретическіе мысли, благодаря своей „простотѣ и невѣжеству" (какъ охарактеризовалъ сущность раскола великій московскій соборъ 1666 — 1667 г.), однако, по существу, ими руководило доброе чувство, доброе стремленіе — спасти русскій народъ отъ все болѣе и болѣе вторгавшихся въ его жизнь глубоко противныхъ и враждебныхъ духу св. Православія западно-европейскихъ новшествъ. И, конечно, какъ показала вся дальнѣйшая исторія русскаго народа вплоть до нашихъ трагическихъ дней, безусловно правы были эти раскольники, возставая рѣзко противъ тѣхъ реформъ Петра І-го, которыя были направлены къ искорененію русскаго православнаго быта и вѣковыхъ традицій и установленій Православной Церкви, тѣхъ поистинѣ губительныхъ, какъ это ясно стало теперь, его мѣропріятій, которыя потрясли самыя основы подлинно-православнаго благочестія и этимъ самымъ подготовили почву для торжества безбожнаго матеріалистическаго ученія марксо-коммунизма на нашей несчастной, сбитой съ ее прямого историческаго пути, родинѣ.

И въ дальнѣйшемъ всѣ лжеученія и такъ называемыя „секты" возникали на русской землѣ почти исключительно подъ вліяніемъ нездоровыхъ мистическихъ идей западнаго сектантства, а нѣкоторыя и полностью транспортировались съ Запада, благодаря пріѣзжавшимъ въ Россію западнымъ сектантскимъ проповѣдникамъ, ревностно старавшимся о насажденіи у насъ сектантства

Но необходимо отмѣтить, что до самаго послѣдняго времени русскій народъ все же въ значительной массѣ своей оставался вѣренъ св. Православію и даже, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, боролся за чистоту св. Православ-

ной вѣры. Достаточно вспомнить, какъ была принята у насъ народомъ такъ наз. „живая церковь“, а затѣмъ „обновленчество“, которыя сами собой постепенно ликвидировались. А сектантство имѣло успѣхъ и распространеніе исключительно среди тѣхъ русскихъ людей, которыя, въ силу особыхъ условій своей жизни, не получили съ дѣтства прочныхъ основъ правильнаго воспитанія и образованія въ православномъ духѣ, лицъ, не знавшихъ Православія. Въ частности, главнымъ образомъ, по этой именно причинѣ сектантство особенно распространилось въ годы большевизма.

Здѣсь нельзя не вспомнить, какъ этотъ священный завѣтъ вѣрности св. Православію, трогательно хранился въ теченіе ряда столѣтій среди русскаго народа, насильственно отторгнутаго отъ Россіи, въ такъ наз. Прикарпатской Руси, гдѣ, несмотря на страшный вѣковой гнетъ и преслѣдованія поработителей, свѣточъ св. Православія былъ съ благоговѣйной любовію донесенъ народомъ до нашихъ дней и гдѣ понятія „православіе“ и „русскость“ лучшими сынами этого народа разсматривались, какъ однозначущія.

И до настоящаго времени подлинно-русскіе люди, не утратившіе своего національнаго чувства и любви къ своей родинѣ и своему народу, чутки къ вопросу о чистотѣ св. Православія. Они органически не переносятъ, ибо души ихъ не пріемлютъ, никакихъ „новыхъ“ вѣяній и идей, пропагандируемыхъ разными новаторами и модернистами, пытающимися, какъ они иногда выражаются, внести „новую“, „живую“ струю въ якобы омертвѣвшее или устарѣвшее древле-отеческое ученіе св. Православной Церкви. Души такихъ преданныхъ св. Православію русскихъ людей сразу чувствуютъ фальшивыя нотки въ этой модернистической пропагандѣ, даже если они, по недостатку богословскаго образованія, бываютъ не въ состояніи сразу опредѣлить и указать, въ чемъ именно заключается ихъ ложь.

Православіе всегда было душой русскаго народа. Св. Православной вѣрѣ обязанъ русскій народъ всѣмъ, что есть у него подлинно великаго, возвышеннаго и святого. А потому только тщательное исполненіе второго завѣта св. князя Владиміра о вѣрности св. Православію способно возродить русскій народъ, а черезъ него и все человѣчество. Нынѣшнее русское разсѣяніе несомнѣнно возлагаетъ на русскихъ людей, находящихся за рубежомъ своей родины, великую миссію

ознакомленія съ Православіемъ всѣхъ инославныхъ и иновѣрныхъ народовъ. Въ этомъ оправданіе и смыслъ нашего пребыванія заграницей. Но для выполненія такой важной и отвѣтственной миссіи мы сами должны стать строгими ревнителями подлиннаго Православія безъ тѣни какого бы то ни было еретическаго мудрованія или модернизма. И къ этому зоветъ насъ теперь черезъ даль вѣковъ нашъ великій Просвѣтитель и духовный вождь св. равноапостольный князь Владиміръ.

Каковъ же **третій** завѣтъ нашего Просвѣтителя?

Онъ выраженъ въ его молитвѣ за себя о дарованіи ему побѣды надъ безплотнымъ врагомъ, конечно, всю злобу свою пытавшимся излить на него за его великое дѣло отторженія цѣлаго народа изъ его сатанинской области тьмы: „... и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на Тя и на Твою державу, побѣжю козни его..

Здѣсь заключается священный завѣтъ неустанной борьбы съ врагомъ Божіимъ и врагомъ человѣческаго спасенія — діаволомъ (и, конечно, — съ его исчадіями и вѣрными слугами и приспѣшниками) вплоть до окончательной побѣды надъ нимъ, при помощи Божіей. Важно отмѣтить слова: „надѣяся на Тя и на Твою державу". Они исключаютъ, въ полномъ согласіи со Словомъ Божіимъ и святоотеческими наставленіями объ этой борьбѣ, или так наз. „невидимой брани", всякое самонадѣяніе, всякую самоувѣренность. Мы должны неустанно бороться съ врагомъ нашего спасенія, но побѣдить въ этой борьбѣ мы сами, своими собственными силами не можемъ: побѣждаетъ лишь наша надежда на Бога и на Его державу. Это мы всегда должны помнить, какъ и то, что всякое самонадѣяніе въ этой „брани" всегда посрамляется и карается неминуемымъ пораженіемъ нашимъ и торжествомъ врага.

Нужно ли говорить о томъ, какъ глубоко воспринялъ православный русскій народъ этотъ великій завѣтъ своего Просвѣтителя и Началовождя въ этой священной борьбѣ съ діавольскимъ зломъ!

Уже одно то, какъ популяренъ сталъ идеал аскетическаго христіанства въ средѣ русскаго народа, вскорѣ же послѣ

принятія имъ св. крещенія, необыкновенный расцвѣтъ монашества, давшій Вселенской Церкви подвижниковъ, подобныхъ великимъ христіанскимъ аскетамъ и отцамъ древности, ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что русскій народъ твердо усвоилъ себѣ правильные начала и методы „невидимой брани". Но эту борьбу съ „супротивнымъ врагомъ" и происходящими отъ него всѣми видами зла русскій народъ перенесъ и въ сферу общественной и государственной жизни. Православный русскій человѣкъ до самаго послѣдняго времени всегда былъ непримиримъ ко злу, а, если и случалось ему падать, поддаваясь обольщеніямъ этого зла, то онъ умѣлъ поражать всѣхъ необычайной силой и глубиной своего искренняго покаяннаго чувства. „Умѣвъ согрѣшить", русскій человѣкъ подлинно „умѣлъ и покаяться". И въ этомъ была особенность и величіе нашего православнаго русскаго духа.

Непримиримая борьба со зломъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ — вотъ лозунгъ, типичный для православнаго русскаго человѣка на протяженіи всей его почти тысячелѣтней исторіи. Во имя этой борьбы со зломъ за правду Божію велись у насъ и всѣ войны — съ начала: за вѣру православную, за домъ Пресвятыя Богородицы", позже: „за вѣру, царя и отечество". Вспомнимъ замѣчательную рѣчь св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, обращенную къ его малочисленной дружинѣ передъ битвой со словами: „Братія, насъ немного, а врагъ силенъ, но не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ... Не убоимся множеста ратнихъ, яко съ нами Богъ!"

Глубоко чужда была русскому человѣку всякая идея какого бы то ни было компромисса со зломъ. Онъ всегда чувствовалъ душей своей ея фальшь и неправославность и горячо возставалъ противъ нея. Вспомнимъ хотя бы, какъ рѣшительно отвергъ нашъ страстотерпецъ св. благовѣрный черниговскій князь Михаилъ уговоры бояръ исполнить требованія жрецовъ ради сохраненія своей жизни, нужной его поданнымъ, съ обѣщаніемъ даже взять епитимью на себя за его грѣхъ; вспомнимъ, какъ пожертвовалъ собой великій московскій святитель Филиппъ, не желавшій примириться съ опричниной Грозонаго царя; вспомнимъ, какую подлинно самоотверженную стойкость и твердость въ борьбѣ за вѣру и родину проявилъ священномученикъ Гермогенъ, Патріархъ Всероссійскій, не шедшій ни на какіе компрмиссы съ поляками, уже засѣвшими въ Кремлѣ хотя онъ и находился въ

ихъ власти. А какъ мужественно оборонялась Троицко-Сергіевская Лавра, ставшая на время изъ иноческой обители какъ бы военной крѣпостью! Все это — примѣры, весьма поучительные для насъ, для нашего шаткаго времени, времени малодушія и всяческихъ компромиссовъ со зломъ, даже со стороны лицъ, прямо не угрожаемыхъ со стороны этого зла!

Забвеніе русскими людьми этого третьяго священнаго завѣта св. равноапостольнаго князя Владиміра началось съ тѣхъ же злосчастныхъ петровскихъ реформъ — рѣзанія бородъ, заведенія такъ наз. „ассамблей" съ легкомысленнымъ времяпрепровожденіемъ на нихъ, а затѣмъ — и проникновенія съ Запада идей сентиментальнаго „розоваго" христіанства, проповѣдывавшаго въ духѣ протестантизма легкость спасенія безъ всякихъ подвиговъ борьбы съ безплотнымъ врагомъ, ненужность христіанской аскетики и чрезмѣрно любвеобильное отношеніе ко всему, не исключая даже антихристіанства, той мнимой христіанской „любви", которая превышала любовь Христову, и была готова идти на любой компромиссъ со всякимъ видомъ зла. На этой именно почвѣ „прелестнаго", извращеннаго христіанства и выросло толстовское ученіе „о непротивленіи злу" подготовившее почву къ торжеству подлинно—сатанинскаго зла на нашей родинѣ. И теперь, къ глубокому прискорбію, приходится отмѣтить, что это же самое толстовское непротивленіе злу проповѣдуется до сихъ поръ во многихъ, даже нѣкоторыхъ церковныхъ кругахъ нашего зарубежья, подъ благовиднымъ лозунгомъ „невмѣшательства церкви въ политику", какъ будто борьба съ явно-сатанинскимъ зломъ есть предосудительное для вѣрующаго церковно-настроеннаго христіанина занятіе политикой?! Что же? Неужели и св. благовѣрн. князь Александръ Невскій, и преп. Сергій Радонежскій и **великіе святители** московскіе Петръ, Алексѣй, Іона и **Филиппъ**, и священномученикъ Патріархъ Гермогенъ были „политиканами"? Да и вся исторія нашей Русской Православной Церкви, неразрывно связанная съ исторіей Россійскаго Государства, развѣ не свидѣтельствуетъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ о томъ, что для русскаго православнаго человѣка непримиримая и безкомпромиссная борьба со зломъ во всѣхъ видахъ его проявленія, какъ въ личной, такъ и общественной и государственной жизни, есть священный долгъ, завѣщанный русскому человѣку его святыми предками — угодниками Божіими въ землѣ Россійской просіявшими, — а не

предосудительное занятіе политикой?! Такіе чрезмѣрно „любвеобильные христіане и враги „политики" должны были бы, по всей справедливости, пересмотрѣть свое отношеніе къ святымъ угодникамъ Божіимъ, въ землѣ Россійстей просіявшимъ, и послѣдовательно отречься отъ нихъ и отъ всего великаго прошлаго нашей родины, вдохновленнаго и порожденнаго благодатнымъ воздѣйствіемъ и руководствомъ этихъ духовныхъ свѣтилъ Русской Православной Церкви, никогда не отмежевавшейся отъ общественной и государственной жизни своего народа, но бывшей его подлинной душой и совѣстью.

Итакъ, если мы желаемъ быть вѣрными третьему завѣту нашего великаго Просвѣтителя и всему великому прошлому нашей родины, олицетворенному въ святыхъ угодникахъ Божіихъ, въ землѣ Россійстей просіявшихъ, для насъ возможенъ одинъ единственный путь—путь безкомпромиссной непримиримости съ сатанинскимъ зломъ, исключающій конечно, мнимо-христіанское лобзаніе съ антихристомъ, ибо „кое общеніе свѣту ко тьмѣ, кое же согласіе Христова съ Веліаромъ, или кая часть вѣрну съ невѣрнымъ (2 Кор. VI, 14 — 15)". И это путь, конечно, подлинно-христіанскій, подлинно-церковный, какъ основанный на Словѣ Божіемъ и примѣрѣ многочисленныхъ угодниковъ Божіихъ, прославленныхъ Церковью, именно за этотъ путь!

Вотъ, сколь глубока и содержательна замѣчательная, хотя столь краткая и несложная по внѣшности и формѣ, Самимъ Богомъ вдохновенная, молитва нашего Крестителя и Просвѣтителя св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра, которую произнесъ онъ въ великій и священный моментъ крещенія русскаго народа! Эту молитву надлежало бы знать наизусть каждому православному русскому человѣку, а вытекающіе изъ нея завѣты глубоко запечатлѣть въ своемъ сердцѣ и сдѣлать ихъ программой своей жизни, какъ личной, такъ общественной и государственной.

Великое наше несчастье въ томъ, что русскій народъ не устоялъ въ вѣрности этимъ великимъ завѣтамъ, поддался обольщеніямъ вражіимъ, свернулъ съ своего прямого законнаго историческаго пути и — результатомъ этого яви-

лись великія бѣдствія потрясенія, пережитыя нами, а теперь даже угроза гибели всему человѣчеству. Поэтому для спасенія, какъ русскаго народа, такъ и всего человѣчества надо оставить всякую политику, въ томъ числѣ и лукавую политику непротивленія злу, и начертать на знамени своемъ единственно эти три великихъ—лозунга завѣщанныхъ намъ нашимъ Просвѣтителемъ: Богопознаніе, вѣрность св. Православію и непримиримая борьба съ сатанинскимъ зломъ при всецѣломъ упованіи лишь на помощь Божію, которая тогда не замедлитъ явиться.

Архимандритъ Аверкій.

